

Л. Чернышова

Печь как локус жилища в русской и белорусской фразеоло- ЛОГИИ

Пространственные отношения – базисные представления, им принадлежит основополагающая роль для любой картины мира.

Пространственные отношения неизменно выступают первичными, организующими. Наблюдается постоянное взаимопроникновение качественных категорий самого разного плана и категорий пространственных. Поскольку в наивном мировосприятии качественное всегда связано с противопоставлением сакрального мирскому, то сама выделенность объектов в пространстве по признаку сакральное/профаническое способствует членению пространства. Сами же пространственные отношения оказываются теми «примитивами», к которым сводятся более сложные представления.

Печь в наивной картине мира русских и белорусов претендует на роль сакрального центра дома. Это наиболее почитаемое место, она не менее значима, чем красный угол (кут).

Семантика собственно печи получила достаточно полное освещение в русской и белорусской фольклорно-этнографической литературе¹. Печь как наиболее мифологизированный и символически значимый предмет занимает исключительно важное место в системе народных обрядов, верований, представлений. В свадебной обрядности самые разные ритуальные действия и особенно выпекание каравая связаны с печью. Обряды, призванные приобщить к дому (очагу) новорожденного ребенка или купленных домашних животных, обряд перепекания ребенка, обрядовое прикладывание рук к печи и заглядывание в нее после похорон, чтобы не бояться покойника и не тосковать по нему (кстати, в различных русских и белорусских снотолкователях печь символизирует печаль), выполняются в печи или около нее. Интересно, что заглядывание в печь в границах свадебного обряда приобретало другое значение: если его выполняла невеста, то таким образом она желала смерти родителям жениха. Сакральность

печи отражена в особом обряде, выполняемом в некоторых районах Полесья, *жаницьбе коміна*, многочисленные элементы которого были направлены на обеспечение благосостояния семьи².

Печь играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты *центра* и *границы*, и это отражено в поверьях русских и белорусов. Когда кто-нибудь уходил из дома, печь закрывали заслонкой, чтобы ему повезло в пути, чтобы его не поминали лихом оставшиеся дома. В Новгородской губернии закрывали печь, садясь ткать, чтобы спорилась работа. На Полесье хозяйка, вынув хлеб из печи, закрывала ее заслонкой, чтобы после смерти у нее был закрыт рот. Закрывали трубу при грозе, чтобы нечистая сила не могла через нее проникнуть в дом. Через трубу зовут пропавший скот. В Брестской области держали трубу открытой, когда умирал колдун, чтобы его душа отлетела через нее, т.к. колдуны, по поверьям, тяжело умирают; отворяли трубу и во время поминовения предков, чтобы души попали на поминальный стол³. Таким образом, печная труба разделяет жилое и нежилое пространство. Печь часто отождествляется с *домом*, который противопоставлен окружающему миру как пространство закрытое – открытому, безопасное – опасному, внутреннее – внешнему. Печь входит в оппозицию *дом/не дом* и выступает как своеобразная *перегородка* между своим и чужим пространством: *Один глаз на печь, другой в Галич; Языком у Вільні, а галавой за печчу*. Нахождение дома, на печи, за печью представляется по-разному. Одни ФЕ указывают на печь как на *свое, обжитое, позитивное, проксимальное* пространство, в котором человек себя ощущает в относительной безопасности. Это символ дома, домашнего уюта, покоя: *На своей печи сам себе голова; Счастье придет и на печи найдет; Стой у печи да не приставай к чужой речи; Добрая слава за печкой спит, а худая по свету бежит; Незнайка на печи сидит, а знайку на веревочке ведут; Добрыя рэчы ляжаць на печы; Яго там і печы і лаўкі; Адна галавешка і ў печы не гарыць, а дзве і ў полі не гаснуць*. Но большая часть ФЕ с компонентом *печь* характеризует дистальное пространство. Для этого типа пространственных отношений существенна заполненность пространства другими объектами, которые оцениваются с точки зрения *дружественности/враждебности*, т.е. для дистального пространства важнейшая оппозиция *свой/чужой*. Такие ФЕ несут в себе поучения, рекомендации, оценки, предназначенные для мужчин, что вводит печь в оппозицию *мужское/женское* (ср. *От хозяина должно пахнуть ветром, а от хозяйки дымом; Печка дрович (нежит), а дорожка учит; Печка тучыць, а дарожка вучыць; Сидеть за печкой (неодобрит.); На печи промыслов не водят; Сидя на печи, царь казны не вышет; Разбирать встречи да приметы – с печи не слезать; Удалось сидню с печи упасть; Воевать тебе на печи с тараканами; На печи не храбрыся, а ў бойцы не дрыжы*). Обращает на себя внимание меньшее количе-

ство подобных ФЕ в белорусском языке, что, вероятно, указывает на большую привязанность к «своему», к дому, на меньшее стремление к удаленности от него. Но зато белорусские фразеологизмы характеризуются наличием особой семы «чужое» – знания: *Знайка па дарожцы бяжыць, а нязнайка па печы сядзіць; Без прыказкі і з печы не зваліцца*. Т.е. в понимании белоруса в дорогу отправляться стоит только за знаниями, а не за улучшением благосостояния, на войну и т.п.

Печь участвует в разделении дома и обозначает *женскую половину*. В оппозиции мужское/женское маркированным оказывается второй член. Это предопределено тем, что поддержание домашнего огня и приготовление пищи были специфически женскими занятиями: *Бабья дорога от печи до порога; Бабіна дарога ад печы да парога; Печь нам мать родная; Пошла по масло, а в печи погасло; Пока баба с печки летит 77 дум передумает; Гаспадынь, што з голаду паміраюць, пад печку хаваюць; Гаспадынька, твая рэч – глянь у печ; Сама каля хаты, а язык за парогам; Дзеўкаю поўная вуліца, а жонкаю поўная печ; Не гаспадыня, што апоўдні у печы паліць; Бабіна воля – печ ды поле; Баба як печ*.

В различных русских и белорусских обрядах и ритуалах печь символизирует рождающее женское лоно, соитие, дефлорацию, развитие плода. Так, каравай должен сажать в печь неженатый мужчина, обряд перепекания ребенка направлен на выздоровление, перерождение его путем помещения в печь, символизирующую женское лоно; в некоторых районах России и Беларуси обряд выпекания хлеба сопровождается подыманием подола (чтобы в печи рос); в Могилевской области существует примета: если из печи вывалится глина, у беременной женщины может случиться выкидыш и др.⁴ Такие символы можно обнаружить и в фольклоре, особенно часто в загадках. В русской и белорусской фразеологии подобные ритуальные семы не сохранились, здесь на первый план выходит женщина-хозяйка, обязанность которой приготовить пищу и накормить семью, причем некоторые ФЕ с компонентом *печь*, относящиеся к женщине, экспрессивно окрашены и связаны с культурным стереотипом, восходящим к установкам христианства. Эротическая же сема нашла отражение только в одной русской поговорке, которую уже В.И. Даль фиксирует с пометой «устарелое»: *Печь хлеб в печке соседа* ‘сожительствовать с кем-либо, иметь интимную связь на стороне’.

Печь – один из наиболее значимых элементов жилища, наличие или отсутствие которого определяло *статус постройки* (дом без печи – нежилой дом): *Догадлив крестьянин на печи избу поставил*. Домашний огонь непрерывно поддерживали в печи и сохраняли ночью в виде горячих углей. Их старались не одолжать, никому не давать, чтобы не утратить благополучия; при переселении в новый дом угли переносили из старой печи в новую. Дым из трубы отождествлялся с постройкой: количество хозяйств в деревне счи-

тали по количеству дымов⁵, см. рус. ФЕ: *не по две дани с дыму*. Предполагают, что номинация *изба* образована в результате сокращения слова *истопка*⁶, а *дым* в некоторых славянских языках, русских и белорусских диалектах обозначает 'очаг', 'дом', 'жилье', 'изба', 'двор' [ЭССЯ, вып. 5]. Все приведенные данные говорят в пользу того, что к печи относились как к избе (хаце) в целом. Кроме того, по примете, первый, кто вымоется в печке, тот умрет (так же, как и кто первый войдет в новый дом). Раньше, как известно, печь использовали в качестве бани, что отражено русской поговоркой: *Запарился мужик, так благо не замерз* 'запарился до смерти'.

Отношение к печи, как ко *всему дому*, представлено в следующих ФЕ: *Из семи печей хлеб едали / З сямі печаяў хлеб еў* 'опытен'; *Не дай бог у чужой хаце жыць, у чужой печы паліць; Чужую печ паліць – свае вочы сляпіць*.

Именно с печью связаны основные характеристики внутреннего пространства жилища: она служила источником тепла, местом для сна, отдыха, местом приготовления пищи, в ней, как уже говорилось, мылись и парились, ее использовали при лечении самых разных заболеваний благодаря распространенным представлениям об очистительных свойствах огня.

В русской и белорусской фразеологии отражено представление о печи как о *самом теплом, лучшем, комфортном месте жилища*: *Сиди на печи да жуи калачи; Хлебом не корми, только с печи не гони; Как ни мечи, а лучшие на печи; Добро за готовым хлебом на печи; Подать оплачена, хлеб есть, и лежи на печи; Без печки холодно, без хлеба голодно; Мала печка да тепленька; Мужик с печи упал, никто его не толкал* 'сам виноват'; *Словно у печки погрелся* 'очень хорошо'; *На пячы ляжыць і не думае тужыць; Добра нашаму Юрку: сам на печы, ногі ў пячурку; Сем разоў пад'еш і з печкі не злезь* и др. Подобная праздность переходит в *лень*. Самое большое количество ФЕ с компонентом *печь* в обоих языках связывает место на печи с *бездельем*: *Лежать на печи* (неодобрит.); *Замерзла тетка на печи лежа* (свинья дверь растворила, а ей лень было встать и закрыть – В.И. Даль); *Тише кричи: барин на печи; На печи по дрова поехал; На хлеб едока, на печь лежня, а на себя нарядчика* (о зяте); *Швея Софья на печи засохла; У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит; Хоть три дня не есть, а с печи не слезть; Хоць тры дні не есці абы з печы не слезці; Калі мужык ляжыць на печы, то пуста ў клеці; Да работы не мае ахвоты, ляжыць на печы, выграе плечы; Сядзеўшы ў запечы, нічога не выседзіш; Гультаю і на печы шчасце* и др.

Времяпрепровождение на печи осуждается, но для стариков это законное место: *Молод бывал – на крыльях летал, стар стал – на печи сижу; Петухи на насест садятся, а старые люди на печь валяются; До 30 лет греет жена, а после 30 рюмка вина, а после и печь не греет; Свекровь на печи, что собака на цепи; Корми деда на печи: и сам будешь там; Старым такая рэч: пад'еў і на печ; Старой бабе і на печы ўхабы; Ста-*

рая баба і ў пятроўку на печцы мерзне; Старой на печы грэць плечы, а маладой мілавацца да жыццём любавалца. Заметим, что нахождение на печи чаще связано со вторым компонентом оппозиции мужское/женское и в основном несет пейоративное значение.

ФЕ с компонентом *печь* содержат и моральный аспект: *Пришел в гости, посидел у холодной печи; Звал на честь, а посадил на печь*. В последней ФЕ отражена оппозиция красный угол (кут) – печь, где первый член более символически значим и сакрализован. *Этим ножом хорошо бы старому на печь подсаживать; З зяцем сварыся за клямку бярыся, а з сынам сварыся – на печку грабіся*.

Печь – символ *гостеприимства*: *Все, что есть в печи, на стол мечи; Зараз апошняя ў печ усыплю*. Доброго человека угощают всем, что есть в доме, даже последним, а если он замерз, садят на печь греться – *Кто сидел на печи, тот не гость, а свой*. Сема гостеприимства особенно ярко выражена в приметах: дрова в печи развалились, уголь из печи упал – жди гостей и др.

В русской и белорусской фразеологии печь выступает как *место приготовления пищи*, притом то, что в ней варится, часто указывает на степень *достатка* в доме: *Гости на печь глядят, видно каши хотят; Сажает в печь хлеба как пышки, а вынимает как крышки; У печи гарыць як у пана, а варыцца як у цыгана; У кожнага свая асечка: у багатага не варыць жывот, а ў беднага печка*. Впрочем, некоторые ФЕ указывают на то, что наличие еды в доме не связано с печью: *С печи сыт не будешь; Не печь кормит, а нивка; Не печ корміць, а рукі*. В русской фразеологии печь – *доходное место*: *Около печи нельзя не нагреться*.

Приготовление пищи часто сакрализуется, оно связано с различными ритуалами, например, выпекание свадебного каравая, обрядовая каша при рождении и поминовении, на печь нельзя садиться, когда в ней печется хлеб. Это отражено в «полуфразеологии»⁷. Природный продукт превращается в культурный объект, сырое в вареное. Огонь в печи осмысливается как живое существо, его культурные функции заключаются в очистительной силе. Известно, что у восточных славян существовал обычай не выносить сор из избы, его сжигали в печи, иначе на это «свое» знахарь мог наслать порчу (В.И. Даль). С очистительными свойствами огня связаны ФЕ: *Украли топор, так и топорнице в печь; С плеч да в печь; З плеч у печ* (современное значение ФЕ ‘щегольство’); *Живет, что в печи ‘все проживает, проматывает’; Осердась на швей да шубу в печь; Печ не кабыла, што кінуў, то не пакіне*.

Горение огня в печи может символизировать протекание жизненных процессов в человеческом теле. Белорусская ФЕ *І ў старой печы агонь добра гарыць* отражает представление о формировании плода в материнской утробе: так говорят о стариках, у которых рождаются дети⁸.

Печь, являясь элементом жилища, метонимически обозначает *хозяйство, домашний уклад*. В последнее время под влиянием Э. Бенвениста

распространяется мнение об отсутствии связи между индоевропейским *domos/*domus и *demo 'строить', 'сооружать', потому что индоевропейское *domos/*domus обозначало прежде всего не постройку из стен и крыши, а общественную организацию, семью [ЭССЯ, вып. 5]. Во многих славянских языках дом – это не только строение, но и хозяйство, семья, собственность, наследство, род, династия, имущество, часть жилища, так что сема 'хозяйство, домашний уклад' в русской и белорусской фразеологии не случайна: *Печки-лавочки 'близкое знакомство'*⁹; *Что сварили и то в печи забыли*; *Курна изба да печь тепла 'толк'*; *Ва ўсякай хаце свая печ*; *Ва ўсякай хаце на печы, а ў другой дзве* (где двое хозяев, так мало толку); *Калі ў дзяжы падход, то і ў печы рост*.

Если в ритуалах, фольклоре символика печи отнесена главным образом к интимной, «утробной» жизни, то в белорусской фразеологии она связана с *этикетным поведением человека*: *Сказаў бы да печ у хаце*; *Не можна казаць, бо печ у хаце*. Так обращались к тому, кто сказал неприличное слово в присутствии детей¹⁰, чтобы вообще остановить нескромные речи¹¹.

С печью у белорусов связаны и представления о доле: *Добрая воля, ідзі за мною, з печы польмем, з хаты комінам*; *У людзей поўна печ дроў гарыць, а ў мяне і адно палена не хоча*¹².

Являясь самым важным местом в доме (см. рус. *танцевать от печки* 'начинать с самого начала'), печь представляет некий эталон, меру вещей: *Какова печка, таковы и перепечки*; *Словно с печи свалился*; *Из одной печи да не одни калачи*; *Когда в печи жарко, то и варко*; *Глуп как печка*; *И за морем горох не под печью сеют*; *Как ни мять, ни валять, а в печь сажать*; *Бал – черт с печки упал 'повод, причина'*; *Баль: чорт з печы ўпаў*; *Хоць з адной печы, ды не аднолькавыя пернікі*; *Цёпла, як на печы*; *Ні да печы ні да рэчы*; *Горача, як у печы*; *Дзеці, дзеці, добра з вамі ў леце, а зімою – хоць аб печ галавою*.

Часто выходит на первый план *монументальность* печи: *На злой же не одна только печь не побывает*; *Коли вру, так дай бог печкой подавиться*; *Печь не пролежишь*; *Всем бит, и о печку бит, разве только печкой не бит*; *Печку абуха не перабіць*; *Тоўсты, як печ*; *Баба, як печ*.

Печь может быть *причиной и местом конфликта*: *Старик со старухой на зиму печь делят*; *Как хочешь назови, только в печку не ставь*; *Заві хоць саганом, абы ў печ не ставіў*; *У печы гарыць, а ў гаршку трасца кіпіць*; *І гаршкі з гаршкімі ў печцы сталківаюцца 'ссора'*. Последняя ФЕ представляет печь как *космос*. Ср. с русской загадкой: *Полна печь перепечей, среди печи каравай*, отгадка которой – небо, звезды, месяц. Фольклорные тексты, в которых печь обозначает космос, обычны, в фразеологии же это почти не нашло отражения.

В русском и белорусском сознании печь *антропоморфична*: она может стареть, варить, плясать и др.: *И печка и лавка пляшет*; *У кожнага свая асечка: у багатага не варыць жывот, а ў беднага печка*; *У гультая*

страха цячэ і печ не пячэ; І ў старой печы агонь добра гарыць; Сказаў бы, але печ у хаце. В многочисленных загадках печи придается женская суть, обнаруживается антропоморфный образ печи и в приметах. Ярким примером этого является обычай на Полесье класть в печь на ночь полено и ставить горшок с водой, чтобы у нее была еда и питье, или обращение к печи при выпекании свадебного каравая: «*Гожа, печка, гожа, як чырвона рожка, Не жаль караваю даці, бо ўмее запякаці*»¹³. Существует еще множество других примеров очеловечивания печи в ритуалах восточных славян.

Следует также указать на связь печи с народной медициной¹⁴. В паремиологических словарях можно встретить ФЕ с таким значением, но они, скорее, относятся к «полуфразеологии», чем к собственно фразеологии. Например, у белорусов для излечения применялись следующие слова¹⁵: *Трэба сорак раз сказаць: «Пякотка на пячы, сцяку ў печы, з'ем на нажы» – І ўсё прайдзе.*

Большую семантическую нагрузку несут в фольклоре, этнографии и фразеологии и значимые элементы печи: труба, комин, заслонка и др., однако выявление символического их значения не входило в задачи данной статьи.

Анализ фразеологического материала, зафиксированного во фразеологических и паремиологических словарях (89 русских и 97 белорусских ФЕ с компонентом *печь*), показывает, что первичные мифологические и ритуальные семы в семантическом активе русских и белорусских ФЕ почти не отражены. Видение мира русских и белорусов отличается большим сходством, однако различия очевидны: одинаковые впечатления представлены различными образами, межъязыковые варианты встречаются крайне редко. Кроме того, представление о печи как о доле, соотнесение ее с этическим аспектом поведения у белорусов указывает на некоторые расхождения в мировидении двух близкородственных народов.

¹ См.: *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. СПб., 1865 – 1869. Т. 1; 2; *Байбури А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983; *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. Л., 1986; *Славянская мифология: Энциклопедический словарь.* М., 1995; *Валодзіна Т.В.* Семантыка рэчаў у духоўнай спадчыне беларусаў. Мн., 1999; *Крук Я.* Сімволіка беларускай народнай культуры. Мн., 2000.

² *Восеньскія святы / Уклад. А. Лозка.* Мн., 1995.

³ См.: *Афанасьев А.Н.* Указ. соч.; *Байбури А.К.* Указ. соч.; *Славянская мифология: Энциклопедический словарь.*

⁴ *Сям'я і сямейны быт беларусаў.* Мн., 1990.

⁵ См.: *Потебня А.А.* О доле и сродных с нею существах. Харьков, 1914.

⁶ См.: *Байбури А.К.* Указ. соч.; *Забьлин М.* Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1997.

⁷ *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

⁸ См.: *Славянская мифология: Энциклопедический словарь.*

⁹ См.: *Мокиенко В.М.* Указ. соч.

¹⁰ См.: *Крук Я.* Указ. соч.

- ¹¹ См.: *Афанасьев А.Н.* Указ. соч.
¹² См.: *Потебня А.А.* Указ. соч.
¹³ *Сысоў У.М.* З крыніц спрадвечных. Мн., 1997.
¹⁴ *Богданович А.Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: Этнографический очерк. Гродно, 1895.
¹⁵ Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склаў Ф. Янкоўскі. Мн., 1992.